

Праздник созерцания

Гастроли Латвийской национальной оперы. Большой театр

ПОЧТИ НА ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА МОСКОВСКАЯ публика утратила всякие контакты с одним из лучших музыкальных театров бывшего Союза – Латвийской национальной оперой. А ведь этот театр, гордый тем, что когда-то в нём служил капельмейстером Рихард Вагнер, на протяжении всего XX века сохранял у себя редчайший (особенно в советские времена) вагнеровский репертуар.

Вагнеровские постановки по-прежнему остаются визитной карточкой театра (последней премьерой был "Летучий голландец"), но москвичам решили показать барочный шедевр Генделя – "Альцину" в постановке Кристины Вусс, а также вердиевскую "Аиду".

Главными качествами рижских спектаклей оказались стильность и художественная изощрённость зрелища. На сцене рождалась настоящая феерия театральной красоты – гигантские волны, сотворённые из шелестящей ткани цвета индиго, погружали в свою иллюзорную пучину персонажей, а надувные цветные гирлянды шаров-облаков окропляли всех каплями светового дождя (сценограф Андрис Фрейбергс).

Столь естественная для барочной оперы изобильность и причудливость образов в спектакле "Аида" буквально затмила впечатление от мощной красоты вердиевской музыки. Казалось, все средства современной сценогра-

фии были использованы художником Илмарсом Блумбергсом: тут тебе и театр огромных теней, нависавших с мифистифельскими личинами над оперными египтянами, и движущиеся стены в сцене безумства Амнерис, и танцы чёрных мумий и Анубисов, и ... живая кошка, взорвавшая смехом зал. По-настоящему сделанной вышла финальная сцена загробного дуэта Радамеса и Аиды, которые пели с лотосами-звёздами в руках на чёрной крышке саркофага в то время как вокруг них подмигивали огнями светящиеся жуки-скарабеи.

С музыкальной точки зрения спектакли Рижской оперы оказались более уязвимыми. Дирижёр Андрис Вейсманис тщетно подгонял вялые темпы солистов, старательно выпевающих подробности патетических арий Генделя. Сонора Вайце в роли Альцины привлекала скорее не жестковатым, с фальшивыми верхними нотами сопрано, а сценическим темпераментом и красотой. Инесса Галант в "Аиде", продирижированной Гинтарасом Ринкявичусом, тоже произвела неровное впечатление, но всё-таки смогла вывести партию к параметрам вердиевского драматизма. По всей видимости, магическая красота зрелища для Латвийской оперы сейчас важнее музыкального содержания.

Ирина Муравьёва